

лет избавился от солдатчины. Всего десять лет.

Итак, Толстой из Севастополя привез идею новой религии. Достоевский с каторги привез Евангелие, выстраданную живую веру в Господа Иисуса Христа.

Следует обратить внимание на такую деталь: солдат, заглянувший в глаза смерти, в любом случае возвращается в мирную жизнь героем; с каторги или из тюрьмы героями не возвращаются. С каторги возвращаются тихо. Жизнь начинается заново. И если капитан Копейкин ходил по приемным, требуя уважения, то вчерашний каторжный и такого права лишен. Но вот на каторге, в безысходности, человек нередко обретает то, что помогает и себя преодолеть. И хотя в обоих случаях — страдания, но одно возвеличивает в гордости, другое — очищает в смирении.

Толстовство развивалось в условиях графской вседозволенности. Толстой раскачивал и ниспровергал Корону и Церковь; его же «качнуть» не могли или не хотели. Вмешалась Церковь, но это вмешательство только подлило масла в огонь... Толстовские общины распались сами собой после смерти основоположника или после октябрьских событий 1917 года. Казалось бы — крах, однако осталось *толстовство* как пропуск в «клуб интеллигенции». И сегодня, особенно в творческой среде, так называемых толстовцев предостаточно. Правда, все они едят мясо, пьют водку, никто из них не подставляет под удар щеку — и все-таки! — *толстовцы*. Понятия, что ли, сместились, но последователи или вовсе не понимают толстовства, или сводят его к формально-этическим или эстетическим понятиям — толкутся у подножья именно Толстого-художника. В лучшем случае выучена из Евангелия заповедь Христа «...а Я вам говорю, не противься злему» — и все, тут и весь Толстой. Далее — по стопам учителя: Толстой не против Бога, Толстой против Богочеловека, против искажения образа Христа, против Церкви и цер-

ковников... И невдомек: если уж повести до конца толстовство, то определится собственно идея прекраснородушной несбыточной программы построения земного рая в одной стране.

Толстой отрицал божественность Христа. Спаситель для него — лишь умный человек, творец этического учения, как Платон, Будда или Конфуций. Потому Толстой и счел возможным отслоить от христианства с его точки зрения лишнее — чудеса: Рождество, Преображение, Воскресение... И так как остается лишь рациональное, земное и ничего божественного или сверхземного, то и следует вывод: таинства церковные не нужны, следовательно, и сама Церковь — не нужна. И только затем следовала фарисейская пунктуальность в исполнении заповеди Христа: «...Я вам говорю, не противься злему, любите врагов ваших». И возмущение: как, а мы противимся, мы не любим, мы нарушаем заповеди!.. Вот отсюда, собственно, толстовство и начинается.

Заповедь о непротивлении — как прямое указание — с древних времен была по-своему пробным камнем, хотя и Христос опрокидывал столы торговцев в храме, изгонял торгующих кнутом. Но поучителен урок тысячелетней давности. Просто и внятно ответил создатель нашей письменности св. равноап. Кирилл, когда сарацины задали ему вопрос, стремясь обличить: почему христиане выступают с оружием в руках, когда Христос учил не противиться и любить врагов своих? Св. Кирилл ответил: «Если в каком-нибудь законе предлагаются две заповеди и обе даются людям для исполнения, то кто будет истиннейшим законоблюстителем: тот ли, который исполняет одну заповедь, или тот, который исполняет обе заповеди?» — «Без сомнения тот, — отвечали сарацины, — который исполняет обе заповеди». Тогда святой сказал им: «Христос Бог наш повелел нам молиться за обижающих нас и благотворить им; но он же заповедал